

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

История и развитие:
трактовка австрийской
экономической школы

Препринт М-23/11

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2011

УДК 338.2
ББК 65.02 (4Авс)
З-29

Заостровцев А.П.

З-29 История и развитие: трактовка австрийской экономической школы / Андрей Заостровцев : Препринт М-23/11. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 36 с. — (Серия препринтов; М-23/11; Центр исследований модернизации).

Австрийская экономическая школа представляет альтернативную парадигму экономическому мейнстриму и его ядру — неоклассическому направлению экономической мысли. Она принципиально и аргументированно отвергает все основные доктрины и методы неоклассиков. Отказ от статической концепции общего равновесия и обращение к динамической эффективности дает австрийской школе явные преимущества при рассмотрении истории. Людвиг фон Мизес, один из основателей современной австрийской школы, трактовал историю как процесс творческой человеческой деятельности, движимой идеями. Решающую роль в историческом процессе он отводит общественному мнению. Последователи Мизеса (Питер Беттке и др.) соединили его подход с новым институционализмом. Они разработали собственную оригинальную классификацию институтов, а также включили в рассмотрение в качестве институционального ядра такое понятие, как метис, под которым понимают практические умения и знания, нормы, культуру. Метис — это очень устойчивый, но не неизменный паттерн. Если он плохо совместим с обеспечивающими развитие институтами (правами собственности, верховенством закона и др.), то общество вовсе не обречено на прозябание. Австрийская школа показывает, что роль экономиста в развитии общества — это не роль социального инженера, навязывающего сконструированные им институты сверху, а это роль человека, способного активно влиять на общественное мнение, внося тем самым изменения и в метис. Если эта миссия экономиста осуществляется успешно, то он обеспечивает лучшее вживание в общественную ткань содействующих прогрессу институтов.

Статья написана по материалам выступления автора на X «Леонтьевских чтениях», проходивших в Санкт-Петербурге в феврале 2011 года.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, профессор Санкт-Петербургского филиала «Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики» (zaoand21@gmail.com).

Австрийская экономическая школа: выпавшие из мейнстрима

Правительства, политические партии и группы давления
«стремятся пропагандировать “хорошую” доктрину
и заставить молчать голоса “плохих” доктрин»
Мизес, 2005: 824

Австрийская экономическая школа чаще всего ассоциируется со знаменитой «венской тройкой» экономистов конца XIX—начала XX в.: Карлом Менгером (1840–1921), Евгением фон Бем-Баверком (1851–1914) и Фридрихом фон Визером (1851–1926). В XX в. эта школа строилась усилиями Людвига фон Мизеса (1881–1973) и Фридриха фон Хайека (1899–1992). Однако сегодня даже не все экономисты имеют представление о том, что эта школа продолжает жить и развиваться, бросая вызов неоклассической экономике как основному течению экономической мысли (мейнстриму). Она отвергает наличие возможности описывать человеческую деятельность через функциональные зависимости, рассматривает ее как динамический, протяженный во времени и постоянно «взрывающийся» сбалансированный процесс («созидательное разрушение», по Шумпетеру), центральное место в котором занимает творчество предпринимателей. Отсюда общее равновесие, которое у неоклассиков стало олицетворением идеального состояния экономики при данных ресурсах, оказывается у «австрийцев» практически недостижимым и не имеющим никакого значения в качестве трафарета, с которым неоклассики сопоставляют возникающие в экономике реальные ситуации.¹

¹ Все основные различия между неоклассикой и австрийской школой систематизированы и подробно рассмотрены в работах Хесуса Уэрта де Сото (Уэрта де Сото, 2009: 3–23; 2011: 33–62). У этого же автора можно прочитать о динамической эффективности в австрийской школе и статической эффективности у неоклассиков (Уэрта де Сото, 2011: 1–32). Заметим, что концепция статической эффективности (общего равновесия) присутствует в трудах представителей современной неоклассики даже тогда, когда они обращаются к, казалось бы, совершенно несовместимым с использованием этого инструмента проблемам, например к экономике развития. Так, Дарон Асемоглу — один из выдающихся представителей современного политико-экономического мейнстрима, в статье «Теория, общее равновесие и политическая экономия в экономике развития» активно ратует за анализ проблем развития на базе модели общего равновесия (Асемоглу, 2010).

Австрийская школа олицетворяет собой либертарианский подход в экономике² который, конечно, непосредственно связан с ее отказом от доктрины общего равновесия. Дело в том, что приверженцы последней отклонения от этого состояния трактуют как так называемые провалы рынка — когда механизм рыночных цен не в состоянии обеспечить Парето-эффективность (общее равновесие означает одновременно максимум возможного благосостояния по критерию эффективности Парето — то, что американский экономист Харольд Демсец иронически назвал «экономикой нирваны»), иначе говоря, не может гарантировать исчерпание всех потенциальных выгод от обмена. И тут на помощь неоклассики призывают государство, которое «видит» лучше рыночных агентов и с помощью различных инструментов принуждения выводит систему на Парето-эффективное состояние или, по меньшей мере, приближает ее к нему.

Что же касается австрийской школы, то она связывает с неравновесными состояниями возможности извлечения прибыли предпринимателем, которые он открывает в процессе творчества. Поэтому если государство «берет на себя» провалы рынка, то оно исключает предпринимательские решения, которые в противном случае могли бы куда успешнее, чем государство, совладать с этими проблемами.³ В результате австрийцы, поднимая вопросы экономики развития, отводят государству минимальную роль, ибо их «не волнует» общее равновесие. Политику государственного интервенционизма они расценивают как «провалы государства», которые искажают цены, стимулы и дезориентируют предпринимателей.

Хронологически окончательное выпадение австрийской школы из мейнстрима произошло в 30-е гг. прошлого века в ходе двух дискуссий: о невозможности социализма и полемике между Хайеком и Кейнсом. В итоге австрийская школа оказалась методологически несовместимой

² О радикальном изменении смысла термина «либерал» в США см.: Боуз, 2004: 22–29. В США «либералы, как правило, выступают за усиление вмешательства государства в экономическую жизнь — налоги и регулирование...» (Там же: 23). Поэтому в США сторонники свободной рыночной экономики и общественной жизни называют себя либо «классическими либералами», либо (чаще) «либертарианцами».

³ Предпринимательство понимается австрийцами очень широко, фактически как любая творческая деятельность, в том числе и в сфере благотворительности. «Творческая энергия предпринимательства также проявляется в помощи нуждающимся, в том числе и в систематическом поиске тех, кто нуждается в помощи. Насильственное государственное вмешательство посредством инструментов, типичных для так называемого государства всеобщего благосостояния, нейтрализует и в значительной степени блокирует поиск предпринимателями людей, остро нуждающихся в помощи...» (Уэрта де Сото, 2011: 323, примеч.).

с неоклассикой.⁴ Во-первых, эта школа отторгает все главные постулаты неоклассики (узкое понимание рациональности, неизменность предпочтений, равновесие). Во-вторых, ею исключается применение математики в экономике как неадекватный инструмент для исследования человеческой деятельности.⁵ В-третьих, как мы убедимся далее, австрийское направление экономической мысли отвергает социальную инженерию, роль экономиста как «советника князей». Все эти три характеристики взаимосвязаны. В результате австрийская школа не оставляет никакого места неоклассической системе с ее равновесно-статистическим и конструктивистским подходом.

Отличительной чертой австрийской школы является и ее отношение к прогнозированию. Неоклассическая экономика возвела правильность предсказания в критерий научности. «...Представители основного течения экономической мысли отказываются принимать всерьез любую экономическую теорию, если она не отваживается на определенные прогнозы экономических событий, и, в конечном счете, судят об экономических теориях по точности сделанных на их основе предсказаний» (Блауг, 2004: 19–20). Это убеждение подкрепляется строительством все более и более сложных эконометрических моделей, призванных предвидеть тренды развития. В реальности история прогнозов приверженцев неоклассической школы есть история их крахов.

Начиная с полностью неоправданного оптимизма столпа американской неоклассики Ирвинга Фишера (1867–1947)⁶ накануне Великой Депрессии

⁴ «...Только после работ Мизеса и Хайека представители австрийской школы в полной мере осознали методологическую пропасть между собой и коллегами, изучающими неоклассическую модель равновесия» (Уэрта де Сото, 2009: 91).

⁵ «Математика представляет собой символичный язык, сконструированный для удовлетворения потребностей логики, естественных и инженерных наук, т. е. областей, где нет ни субъективного времени, ни предпринимательского творчества. Поэтому язык математики не учитывает ключевых особенностей человека, протагониста социальных процессов, а именно они являются предметом изучения экономической науки» (Уэрта де Сото, 2011: 55–56).

⁶ Известный историк экономической мысли Марк Блауг характеризует Фишера как одного из величайших и, несомненно, ярчайших американских экономистов, которые когда-либо существовали (Блауг, 2005: 317). В то же время он пишет: «Его огромное влияние среди профессиональных американских экономистов (не говоря о его личном состоянии) рухнуло в 1929 г.: он не только не сумел предсказать крах на Уолл-стрите, но и после его наступления продолжал месяц за месяцем утверждать, что начало нового бума уже за углом» (Там же: 321). Показательно, что Фишер был одним из первых профессиональных математиков, который стал экономистом и широко внедрил математические методы в экономический анализ.

(Скоузен, 2002: 175–177)⁷ вплоть до истории с крахом хедж-фонда *LTCM* в 1998 г., который включил в правление двух лауреатов Нобелевской премии по экономике 1997 г. — М. Скоулза и Р. Мертона и стал работать на фондовом рынке по компьютерной версии разработанной ими модели. Согласно произведенным на с помощью этой модели расчетам, события, приведшие к банкротству фонда, могли случиться один раз за миллиард лет (Боннер, Уиггин, 2005: 73–79). Как видим, крах произошел гораздо раньше математически рассчитанной вероятности. Еще более громкий провал случился и с прогнозами мировой экономики МВФ в 2007 и 2008 гг., накануне кризиса.⁸

Ученик и последователь Мизеса Мюррей Ротбард (1926–1995) подвел черту претензиям эконометриков на знание будущего, поставив их в тупик одним вопросом, на который они до сих пор боятся дать конкретный ответ, видимо, из-за боязни повторить судьбу Фишера. «Претензии эконометриков и других специалистов по математическим моделям экономики, что они в состоянии точно предсказывать ход будущих экономических событий, всегда будут наткаться на простой, но обескураживающий вопрос: “Если вы можете так точно все предсказывать, то почему вы не делаете этого на фондовом рынке, где точный прогноз может буквально озолотить?”» (Ротбард, 2003: 388).

⁷ Приведем еще один любопытный факт. В 1988 году три эконометриста из Гарвардского и Йельского университетов сделали попытку оправдать предшественников (Фишер был профессором Йельского университета, а журнал *Harvard Economic Service* тоже давал в то время прогнозы не лучше фишеровских). Но и они, на основе современных эконометрических методов временных рядов, не сумели сделать верный ретропрогноз в отношении Великой Депрессии. Как правильно, на наш взгляд, констатирует описывающий эту попытку ретропрогноза М. Скоузен, она не столько оправдывает предшественников-неудачников, сколько говорит о принципиальной несостоятельности использования эконометрических моделей (Скоузен, 2002: 206–207, примеч.).

⁸ В июле 2007 г. МВФ пересматривает в сторону повышения предшествующий, сделанный в апреле прогноз, сопровождая это следующим заявлением: «Значительный глобальный рост продолжается, и проектировки глобального роста как в 2007, так и в 2008 г. были подняты с 4,9 до 5,2 %» (*The Global Economy Continues to Grow Strongly*, 2007). В реальности рост глобальной экономики в 2008 г. составил 3,0 %, причем развитые экономики выросли на 0,6 % (прогноз — 2,8), США — на 0,4 (2,8), страны зоны евро — на 0,7 (2,5), а экономика Японии сократилась на 0,7 %, тогда как МВФ в июле 2007 г. предсказывало ее рост на 2 % (*Ibid.*; *World Economic Outlook Database*, Oct. 2009). Не намного лучше обстояли дела у МВФ и в апреле 2008 г. с прогнозом на 2009 г. В развитых экономиках планировался небольшой рост — на 0,8 %, тогда как в реальности имел место спад на 3,4 %. В зоне евро, например, прогноз говорил о росте на 0,9 % (фактически — спад на 4,1 %), для Германии предсказывался рост на 1,5 %, в действительности имел место спад на 4,7 % (*World Economic Outlook*, Apr. 2008; *World Economic Outlook Update*, Jan. 2011).

В свою очередь, сам Мизес писал: «Если бы было возможно вычислить будущее состояние рынка, то будущее не было бы неопределенным. Предпринимательских прибылей и убытков тогда бы не существовало. То, чего люди требуют от экономистов, находится за пределами возможностей смертного человека» (Мизес, 2005: 817). Тем не менее, как это на первый взгляд не покажется парадоксальным, прогнозы лучше удались представителям австрийской школы.

В ряду сбывшихся глобальных прогнозов называют, во-первых, предсказание Великой депрессии Мизесом и Хайеком (Скоузен, 2002: 187–191) и, во-вторых, их неоднократные обоснования несостоятельности и краха социализма. В настоящее время начинает сбываться еще один прогноз: государство «всеобщего благосостояния» постепенно тонет под давлением демографических перемен и нежизнеспособности заложенных в его основание концепций.⁹ При этом далеко не всегда обращается внимание на то, что в качестве одной из основных причин переживаемого ныне кризиса единой европейской валюты является все та же европейская тяга к государствам «всеобщего благосостояния», которая оборачивается устойчивыми бюджетными дефицитами и вытекающим из них ростом государственного долга как в абсолютном, так и в относительном выражении.

«...Экономическая теория, — пишет Уэрта де Сото, — может предсказывать только общие тенденции (то, что Хайек называет «*паттернами*»). Такие прогнозы носят теоретический характер; они относятся к негативным последствиям институционального принуждения (социализма и интервенционизма) по отношению к рынку» (Уэрта де Сото, 2011: 43). Именно это качество делает методологию австрийской школы ценным инструментом экономической теории развития. В этом легче всего убедиться на примере австрийской оценки природы и исторического места социализма.¹⁰ Если ав-

⁹ Одной из наиболее убедительных работ, демонстрирующих грядущий крах пенсионных и социальных систем в США, является работа американского экономиста Лоренса Котликоффа (в соавторстве со Скоттом Бёрнсом) «Пенсионная система перед бурей» (Котликофф, Бёрнс, 2005). При этом надо заметить, что перевод ее названия на русский неточен и сужает содержание. На английском оно звучит как «The Coming Generational Storm» («Надвигающийся поколенческий шторм»). Речь в ней идет не только о кризисе пенсионных систем, но и системы социального обеспечения в целом в силу сдвигов в численности поколений.

¹⁰ Австрийское экономическое учение дает очень широкое определение социализма как любого институционального ограничения или агрессии по отношению к свободно-му проявлению человеческой деятельности или предпринимательства (Уэрта де Сото, 2008: 99–100). Под это определение попадают, например, и социализм советского типа, и современные государства «всеобщего благосостояния», и практика государственного регулирования. Все это типы «пагубной самонадеянности», по Хайеку (Хайек, 1992).

стрийская школа регулярно заявляла и заявляет о грядущих неудачах самых разнообразных социалистических проектов, то «неоклассические модели (общего равновесия) использовались для теоретического обоснования возможности социализма» (Там же: 53).

По всей видимости, во многом благодаря своей «победе над социализмом», включая все виды построенных на основе математических моделей общего равновесия концепций так называемого рыночного социализма, австрийская школа игнорируется современным экономическим мейнстримом.¹¹ В то же время именно по этой причине, с нашей точки зрения, следует уделить ей особое внимание как, возможно, наиболее адекватному подходу к интерпретации истории и развития стран.

История по Мизесу: идеи правят миром

Идеи творят историю, а не наоборот.

Мизес, 2005: 81

Прежде чем перейти к рассмотрению вклада современных представителей австрийской школы в понимании природы успехов или провалов в развитии стран, следует обратиться к истокам их убеждений. И здесь, безусловно, мы должны уделить главное внимание работе Мизеса «Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции» (Мизес, 2007). В «Предисловии» к работе, написанном другим известным представителем австрийской школы и учеником Мизеса Мюреем Ротбардом (1926–1995), последний подчеркивает: «В основе подхода Мизеса и пракиологии лежит концепция, с которой он начинает “Теорию и историю”: методологический дуализм, ключевое положение о том, что способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул. Почему? Очень просто: потому, что сущность людей состоит в том, что они имеют цели и намерения и что они пытаются достичь этих целей» (Ротбард, 2007: xii).

В то же время камни, атомы и планеты не делают выбор, не меняют своих намерений, поэтому можно вычертить их курсы и предсказать траектории. Люди же, напротив, каждый день учатся, обретают новые ценно-

¹¹ О других причинах сознательного и целенаправленного превращения ее в изгоя см.: Уэрта де Сото, 2011: 57–58. Хотя есть и «перебежчики» из другого лагеря. Например, неоднократно цитированный нами известный историк экономической мысли Блауг признал: «Постепенно и крайне неохотно, но я все же пришел к выводу о том, что они (австрийская школа) были правы, а мы все заблуждались (в вопросе о вальзасианском равновесии)» (цит. по: Уэрта де Сото, 2009: 164).

сти и цели, изменяют свои планы; поэтому в отношении людей невозможно сформулировать предсказания. Однако несмотря на это, экономическая наука, как отмечал Ротбард, страдает тем, что Мизес называл «сциентизмом» – идеей о том, «что единственным подлинно “научным подходом” к изучению человека является подражание подходу физических наук...» (Там же: xiii).¹² Сциентизм недопустим и в объяснении истории.¹³ В отличие от естественных наук «в человеческой истории мы, сами, будучи людьми, уже знаем причины событий; а именно тот первичный факт, что люди имеют цели и намерения и действуют, чтобы их достичь» (Там же: xv).

Любое историческое событие представляет собой уникальную равнодействующую множества этих причинных факторов (действий разных людей, обладающих свободой воли и выбора). В силу этого оно — уникально, а значит, его невозможно «тестировать» посредством сличения с однородными событиями. Отсюда Мизес резко выступал против детерминизма и предсказуемости в анализе развития общественных событий.¹⁴

Понимание истории Мизесом, разумеется, лучше всего представлено им самим.

«История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность — это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что — менее удовлетворительными обстоятельствами, а также — к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, идеи являются главной темой изучения истории. Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей. Любая идея зародилась в определенной точке времени и пространства в голове индивида. (Разумеется, постоянно случается так, что одна и та же идея независимо появляется в головах разных индивидов в разных точках пространства и времени.) Возникновение каждой новой идеи суть инновация; это добавляет нечто новое и прежде неизвестное к ходу мировых событий. Причина,

¹² Заметим, что сегодня тем же самым «сциентизмом» страдает не только экономика, окончательно превратившаяся в разновидность приложения различных математических дисциплин, но и социология, политология и даже история в лице клиометрики.

¹³ Мизес рассматривал все общественные науки как части единого учения — праксиологии, которую определял как общую теорию человеческой деятельности (Мизес, 2005: 10). Не случайно его главный фундаментальный труд называется «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории».

¹⁴ За исключением тех прогнозов негативных последствий государственного интервенционизма, о которых упоминалось выше.

по которой история не повторяется, состоит в том, что каждое историческое событие — это достижение цели действия идей, отличающихся от тех, которые действовали в других исторических состояниях» (Мизес, 2007: 200–201).

Итак, из рассуждений Мизеса явно следуют две логические связки: во-первых, человеческую деятельность, творящую историю, определяют идеи; во-вторых, идеи суть инновации, следовательно, и определяемое ими исторические событие не схоже с другими (можно сказать, «инновационно»). В этом, кстати, можно видеть и дополнительное разъяснение причины непредсказуемости истории.

Попутно Мизес ведет полемику с британским историком Арнольдом Тойнби (1889–1975). В ней Мизес исходит из того, что сущность цивилизации составляют идеи. «Если мы попытаемся разграничить различные цивилизации, то *differentia specifica* может быть найден только в различном смысле идей, который их определяет» (Мизес, 2007: 201). И далее еще раз подчеркивает: «В “теле” цивилизации невозможно обнаружить никаких сил, которые не были бы результатом их специфических идеологий» (Там же: 202). А раз так, то утверждение Тойнби о том, что любая цивилизация проходит последовательно неизбежные стадии, не может быть принято. «Цивилизации несопоставимы и несоизмеримы, поскольку они приводятся в движение разными идеями и поэтому развиваются по-разному» (Там же: 201–202).

Возражая немецкому философу Освальду Шпенглеру (1880–1936), Мизес не разделяет его воззрения на причину упадка западной цивилизации, хотя и соглашается в принципе с выводом о том, что таковой происходит. Однако причина его совсем не в некоей таинственной природе цивилизации, уподобляемой Шпенглером и Тойнби живому существу, а в природе идей, владеющих принадлежащими к ней людьми. «Действительно, — пишет Мизес, — западная цивилизация приходит в упадок. Но ее упадок заключается как раз в одобрении антикапиталистических убеждений». Отсюда можно заключить, что, согласно Мизесу, именно содержание идей (убеждений) в решающей мере определяет судьбу цивилизаций.

Мизес в определении роли и значения идей становится на позицию, которая диаметрально противоположна учению Карла Маркса (1818–1883) в этом вопросе. Если у последнего конечным источником общественной динамики оказывается то, что он называл производительными силами (говоря более современным языком, это – природные ресурсы, физический капитал и технологии), а идеи идут в самом конце каузальной цепочки и, таким образом, являются целиком определяемым фактором, то Мизес поступил ровно наоборот. В той же «Теории и истории» он в основу всего положил именно идеи. «Идеи порождают общественные институты, политические измене-

ния, технологические методы производства и все, что называется экономическими условиями» (Мизес, 2007: 167).

Это положение в развернутом виде излагается Мизесом применительно к проблеме развития и отсталости стран и народов. Цитируемый ниже абзац из работы «Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война» можно даже назвать «экономикой развития по Мизесу».

«Простое знакомство с западными методами производства, транспортировки и маркетинга ничем не смогло бы помочь отсталым народам. Они не располагали капиталом, требующимся для освоения всего этого. Западную технику имитировать не трудно. Но было почти невозможно трансплантировать умонастроения и идеологию, создавшую социальную, правовую, конституционную и политическую атмосферу, давшую жизнь этому современному технологическому прогрессу. Легче скопировать современный завод, чем окружающую обстановку, способствующую накоплению капиталов внутри страны. Новую промышленную систему породил новый дух либерализма и капитализма. Она стала следствием умонастроения, для которого удовлетворение нужд потребителей важнее, чем войны, завоевания, сохранение древних обычаев. Главной отличительной особенностью развитого Запада была не техника, а моральная атмосфера, поощрявшая бережливость, образование капитала, предпринимательство и мирную конкуренцию» (Мизес, 2006: 144).

Прочитав этот текст, можно только удивляться, насколько Мизес смог опередить время: в далекие 40-е гг. XX в. он, по сути, заложил большинство идей, которые сформировали такое направление экономической мысли, как новая институциональная экономическая история примерно 40–50 лет спустя. Конечно, с одной стороны, здесь видна прямая связь со знаменитой работой Макса Вебера (1864–1920) «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), однако Мизес, как видим, ничего не пишет именно о протестантской этике как «духовной колыбели» капитализма. Он протягивает цепочку от умонастроений и идей к «социальной, правовой, конституционной и политической атмосфере» (иначе говоря, к соответствующим институтам) и уже от них — к технологическому прогрессу. Его антимарксистская триада выглядит как марксистская, но поставленная с ног на голову (рис. 1).

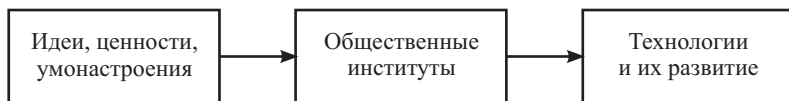

Рис. 1. Мизесовская триада (каузальная связь).

При этом Мизес подчеркивал, что именно идеи определяют интересы, которые, в свою очередь, определяют характер действий людей. «В мире реальной действительности, обстоятельства которого только и являются объектом научного поиска, идеи определяют то, что, как считает человек, будет соответствовать его интересам. Интересов, не зависящих от идей, не существует. Именно идеи определяют то, что люди рассматривают в качестве своих интересов. Свободные люди действуют не в своих интересах. Они действуют в соответствии с тем, что, как они считают, будет способствовать их интересам» (Мизес, 2007: 126). Таким образом, этот пассаж можно переформулировать приблизительно так: интерес — это то, что человек мыслит (представляет себе) в качестве такового.¹⁵

Следовательно, человеческая деятельность есть производное от идей; последние являются для нее движущей силой. Поэтому для Мизеса история — это в конечном счете история идей.

Однако что определяет сами идеи, где их первоисточник? И тут Мизес снова напоминает Маркса, но только с той принципиальной разницей, что у последнего производительные силы являются конечной данностью, тогда как Мизес в качестве таковой объявляет идеи. «Для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения действующих субъектов и идеи, порождающие эти ценностные суждения» (Там же: 275). Они представляют собой конечную данность, так как «их нельзя представить в виде необходимых следствий чего-либо еще» (Там же: 279).¹⁶ «Идеи, — констатирует Мизес, — конечная данность исторического исследования. Об идеях можно сказать только то, что они появились» (Там же: 167).

Конечно, можно проследивать путь возникновения той или иной идеи («три источника и три составных части марксизма»). Можно сказать, что идея *A* отталкивается от идеи *B* и связана с идеей *C*. Однако «возникновение идеи суть инновация, новый факт, добавленный к миру» (Там же: 85). Марксизм не есть то же самое, что и три его источника, не сводится к ним. В поисках происхождения идей «мы неизбежно приходим к точке, в которой все, что можно утверждать, это то, что у человека возникла идея» (Там же: 167).

¹⁵ Эту же мысль Мизес подчеркивает неоднократно в полемике с учением Маркса: «В мире реальности, жизни и человеческой деятельности не существует интересов, которые не зависят от идей, предшествующих им как по времени, так и логически. То, что человек считает своим интересом, является результатом его идей» (Мизес, 2007: 124); «...неразумно провозглашать, что идеи являются продуктами интересов. Идеи говорят человеку, в чем состоят его интересы» (Там же: 122).

¹⁶ «Результат умственных усилий людей, т. е. идеи и ценностные суждения, направляющие действия индивидов, нельзя проследить до их причин, и в этом смысле они являются конечными данными» (Мизес, 2007: 67).

Эта философская основа взглядов Мизеса помогает глубже понять и многие базовые установки австрийской экономической школы. Прежде всего, принципиальную невозможность прогнозирования будущего. Ведь новые идеи появляются неожиданно. Ну а раз управляющие человеческой деятельностью идеи возникают спонтанно, то ничего нельзя сказать и о ее результатах в будущем. «Все доктрины, стремящиеся обнаружить в человеческой истории определенную тенденцию изменений, расходятся с исторически установленными фактами в том, что касается прошлого, а там, где пытались предсказать будущее, – опровергнуты последующими событиями» (Мизес, 2007: 324).

В результате становится более понятным и отторжение австрийской экономической школой применения методов естественных наук (в первую очередь, математики) к моделированию человеческой деятельности. Реакции в естественной природе характеризуются регулярностью, повторяемостью (вода закипает и испаряется при температуре 100 °С, превращается в твердое состояние при минусовой температуре по Цельсию). Каковы были бы возможности математического описания реакций воды на изменение температуры, если бы она каждый раз вела себя по-разному? А ведь именно такой «нерегулярностью» отличается человеческая деятельность. И в особенности та, что определяет исторический процесс.

Тут будет уместно заметить, что сама по себе идея не способна двигать историю. Идея не рождается в массах, она — продукт индивидуального творчества (так, к примеру, марксизм — не есть порождение некоего мистического коллективного разума пролетариата). Однако однажды рожденные кем-то идеи воспринимаются другими людьми и могут трансформироваться в их ценности. Сквозь призму своих ценностей человек видит мир, выстраивает систему предпочтений (например, капитализм, частная собственность — плохо; социализм, общественная собственность — хорошо). При этом абсолютное большинство людей берет свои ценности не непосредственно из идей, а из ценностей социального окружения (если использовать медицинский термин, то можно сказать, что они являются «заразными» продуктами). Широко распространившаяся и устоявшаяся ценность приобретает силу общественного мнения.

Мизес особо подчеркивает заслуги Дэвида Юма (1711–1776), а также Джона Стюарта Милля (1806–1873) и Алексиса де Токвиля (1805–1859) как указывавших на общественное мнение в качестве силы, отвечающей за характер правления (Мизес, 2007: 57). В свою очередь, сам он пишет: «Правительства не могут быть свободными от давления общественного мнения. Они не могут сопротивляться господству всеми разделяемой идеологии, пусть и ошибочной» (Мизес, 2005: 744). И «общественная система, какой бы полезной она ни была, не может работать, если ее не поддерживает общественное мнение» (Там же: 744).

В результате Мизес выносит следующий вердикт: «Массы лишь делают выбор между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор окончателен и определяет ход событий» (Там же: 811).

Идеи для Мизеса, разумеется, не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное. Иначе, как легко увидеть из вышеизложенной логики его подхода, ему пришлось бы признать «конец истории». «Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей» (Мизес, 2007: 201). Однако «экономисты всегда отдавали себе отчет в том, что эволюция идей — медленный, требующий много времени процесс» (Там же: 194).

Философия австрийской экономической школы категорически не позволяет выставить что-либо как некий образец совершенного состояния и с ним сопоставлять реальное положение вещей и ход истории.¹⁷ Это противоречило бы одному из ее базовых методологических принципов — знаменитой доктрине *Wertfreiheit* (свободы от ценностей). Ведь ценности людей как таковые не сопоставимы. Поэтому экономист «оценивает положение вещей с точки зрения действующих людей. Он называет более хорошим или более плохим то, что представляется таковым на их взгляд. Таким образом, капитализм означает прогресс, так как ведет к прогрессивному улучшению материальных условий жизни постоянно увеличивающегося населения» (Там же: 152).

Итак, исторический прогресс — это то, что люди считают таковым. Поскольку люди в абсолютном большинстве ценят улучшение условий жизни, то таковое и есть прогресс. При этом прогрессом является и все то новое (от социальных учений и отношений до технологий и оборудования), что обеспечивает это улучшение.

Однако это вовсе не означает, что людской разум в массе своей поймет неразрывную связь цели и средства и будет ценить последнее (тот же капитализм). В недопущении возможности разрыва логической связки «цели—средства» в массовом сознании и крылось то, что Мизес назвал «иллюзиями старых либералов», которые пали жертвой ошибочной доктрины «несокрушимой мощи разума». «Они беспечно полагали: то, что является разумным, пробьет себе дорогу просто за счет своей разумности. Они никогда не задумывались о возможности того, что общественное мнение может благоволить

¹⁷ Попутно заметим, что противоположный подход Мизес презрительно называл «химерой совершенного состояния человечества», относя сюда не только доктрины идеального общества (подобные коммунизму у Маркса), но и вальрасовскую концепцию общего равновесия (Мизес, 2007: 324–329). «Предположение о том, что история устремлена к осуществлению совершенного состояния, равносильно утверждению, что история скоро закончится» (Там же: 324).

ложным идеологиям, воплощение которых будет вредить благосостоянию и разрушать общественное сотрудничество» (Мизес, 2005: 811).¹⁸

Как видим, здесь Мизес говорит о том, что общественное мнение (умонастроение) может быть столь мощной разрушительной силой, что люди отторгают то, что обеспечивает им благополучие. Причем, как известно, оно не оказывается каким-то кратковременным заблуждением, а определяет целую эпоху.

Завершая разговор о теории и истории по Мизесу, есть смысл снова обратиться к приложению его философии к проблеме развития и отсталости, в частности к его рассуждениям об отсутствии нейтральности между передовой техникой и мировоззрением, идеологиями, верованиями (сегодня бы сказали — культурой) отсталых народов.

«Многие представители этих народов заявляют, что они хотят скопировать только материальную культуру Запада, но даже это сделать только постольку, поскольку это не будет противоречить их местным идеологиям и не подвергнет опасности их религиозные верования и обычаи. Они не понимают, что перенимание того, что они уничижительно называют всего лишь материальными достижениями Запада, несовместимо с сохранением их традиционных обрядов и табу, а также их привычного образа жизни. Они впадают в иллюзию, что их народы могут позаимствовать технологию Запада и достигнуть более высокого материального уровня жизни без того, чтобы сначала в процессе *Kulturkampf* избавиться от мировоззрения и нравов, унаследованных от предков. Они утверждают в своей ошибке благодаря социалистической доктрине, также не способной осознать, что материальные и технологические достижения Запада вызваны философиями рационализма, индивидуализма и утилитаризма и непременно исчезнут, если коллективистские и тоталитарные догмы приведут к замене капитализма на социализм» (Мизес, 2007: 299).

Этот мизесовский текст примечателен, с нашей точки зрения, как минимум в двух отношениях. Во-первых, как и предыдущая цитированная нами большая выдержка из Мизеса, она, намного опережая экономическую мысль его времени, выдвигает модный лишь со сравнительно недавних пор тезис о так называемой культурной ловушке — когда присущая тому или иному народу культура становится барьером для преодоления его неспособности к успешному развитию, модернизации. Во-вторых, в споре между теми, кто полагает невозможность модернизации без вестернизации, и теми, кто, обращаясь к опыту ряда далеких от западных идеалов, но быстроразви-

¹⁸ Причины настроя общественного мнения против капитализма Мизес представил в работе «Антикапиталистическая ментальность» (Мизес, 1993: 169–231).

вающихся стран, говорит обратное, Мизес однозначно на стороне первых. Сегодня в этой полемике явно доминирует вторая точка зрения,¹⁹ однако, как мы знаем (в том числе и из Мизеса), история не есть заложенная в человечество программа, а потому очевидное сегодня может обернуться совсем неочевидным завтра.

Новая экономика развития и институты: от идей к «метису»

Согласно определению из учебника Микаэля Тодаро, «экономика развития в большей степени, чем традиционная неоклассическая экономика и даже политическая экономия, изучает экономические, культурные и политические условия, необходимые для осуществления быстрой структурной и институциональной трансформации различных обществ, с тем чтобы наиболее эффективными путями распространить результаты прогресса на возможно более широкие слои населения» (Тодаро, 1997: 23). На самом деле, так называемая экономика развития (*development economics*) есть весьма гетерогенная дисциплина — она отражает подходы различных экономических школ к определению условий, необходимых для успешного догоняющего роста экономики и благосостояния населения отстающих стран, их подтягивания до уровня развитых.

Экономика развития дольше, чем даже мейнстримовская макроэкономика, находилась под прессом кейнсианских догматов. Не случайно Питер Бёттке²⁰ и Кристофер Койн в своей статье со ссылкой на Уильяма Истерли²¹ отмечают, что отражающая кейнсианское учение модель экономического роста Харрода–Домара (40-е гг. XX в.) и **вытекающая из этой модели концепция «инвестиционного разрыва»** (нехватки инвестиций в физический капитал как причины отсталости) широко используется международными

¹⁹ Например, индийский экономист Дипак Лал (между прочим, активный сторонник свободного рынка, о чем убедительно свидетельствует одна из его книг (Лал, 2009)) определенно заявляет, что модернизация возможна и без вестернизации. Он развивает теорию о том, что «индивидуализм парадоксальным образом ослабил социальные скрепы обществ, которые сам и сделал невероятно процветающими» (Лал, 2007: 207).

²⁰ П. Бёттке — один из самых ярких представителей современной австрийской школы. В частности, он является редактором Элгаровского справочника по австрийской экономике (The Elgar Companion, 1994).

²¹ У. Истерли — бывший старший советник Всемирного банка, впоследствии разочаровавшийся в результатах его деятельности и в своих работах показавший несостоятельность многих предпринимаемых им усилий. В России переведена и издана его книга «В поисках роста: приключения экономиста в тропиках» (Истерли, 2006).

финансовыми институтами при принятии решений относительно помощи и инвестиций (Coyne, Boettke, 2006). Однако, несмотря на остаточные попытки возродить кейнсианский подход к проблемам развития,²² он продолжает восприниматься больше как анахронизм. На первый план еще в 90-е гг. прошлого века вышел анализ институтов (Заостровцев, 2010: 13–18).

Сегодня практически все вслед за Дугласом Нортгом повторяют, что «институты имеют значение». Однако Бёттке и Койн как в уже указанной выше статье, так и в более новой, написанной в соавторстве с Питером Лисоном (Boettke et al., 2008) делают интересную попытку ответить на вопрос: какие институты имеют значение? Для этого они разработали собственную классификацию институтов (рис. 2).

Таким образом, как мы видим, в конечном счете все институты поделены на три категории:

1) введенные извне экзогенные институты (FEX — *foreign introduced exogenous*);

2) введенные изнутри экзогенные институты (IEX — *indigenously introduced exogenous*);

3) введенные изнутри эндогенные институты (IEN — *indigenously introduced endogenous*).

Для начала дается деление на две большие группы: экзогенные и эндогенные. Под первыми имеются в виду институты, которые «сконструированы и установлены сверху» (Boettke et al., 2008: 335). Они являются порождениями либо внешних организаций-аутсайдеров (например, ЕС, МВФ, Всемирный банк), либо национальных правительств (инсайдеров). В первом случае говорят о введенных извне экзогенных институтах, во втором случае — о введенных изнутри экзогенных институтах. Примером первых могут служить, скажем, изменения в системе законодательства, продвинутые под руководством и влиянием так называемого сообщества по вопросам развития (*development community*, далее — DC).²³ Примером вторых может быть федерализм в США или парламентаризм в Великобритании (Ibid.).²⁴

²² Наглядный пример такой попытки представлен в книге Нобелевского лауреата по экономике, бывшего старшего вице-президента и главного экономиста Всемирного банка (1997–2000) Джозефа Стиглица, опубликованная в русском переводе вскоре после ее выхода на Западе в 2002 г. (Стиглиц, 2003).

²³ Здесь можно вспомнить, к примеру, о Копенгагенских критериях вступления стран в Евросоюз (вступающие в него страны должны предварительно выполнить целый комплекс мер в сфере законодательства, правительственных и юридических институтов, а также в экономической области).

²⁴ Пакт о стабильности и росте в ЕС (ряд требований к унификации бюджетной и налоговой политики входящих в него стран) гораздо ближе к IEX-институтам, чем

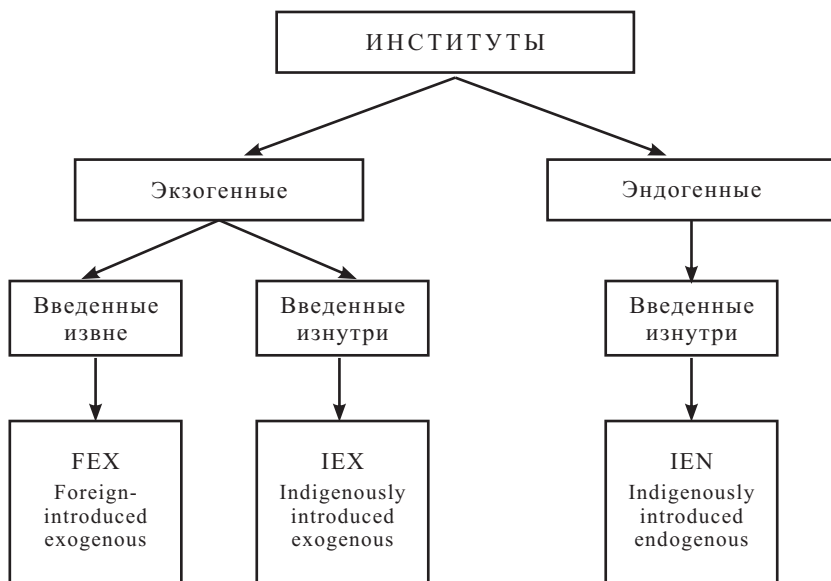

Рис. 2. Структура институтов.

И наконец, особая группа институтов — эндогенные. Они «включают местные нормы, обычаи и практики, которые развились как неформальные с течением времени в конкретных местах» (Ibid.). В отличие от экзогенных, они не могут быть введены извне. Примером такого института Бёттке с соавторами называют язык (Ibid.).

Разумеется, всякая классификация условна. В особенности таких часто трудно постижимых и изменяющихся явлений, как институты. Один и тот же институт может подпадать под различные категории в зависимости от места (страны, региона), что достаточно очевидно. В то же время один и тот же институт может подпадать под различные категории в зависимости от исторического времени в одном и том же месте. Бёттке с соавторами приводят здесь в качестве примера деньги: до появления центральных банков, когда создание денег не было монополизировано государственной властью, они относились к IEN-институту; после появления центральных банков они в XX в. становятся IEX-институтом (Ibid.: 336).

к FEX-институтам, поскольку он принят единогласным решением стран-участниц. Тогда как страны-кандидаты в члены ЕС к выработке Копенгагенских критериев никакого отношения не имеют.

В настоящее время довольно точно определен набор институтов, способствующих развитию. Они хорошо всем известны: права собственности, верховенство закона, необременительное госрегулирование, свобода торговли и др. Все они входят в показатель глобального рейтинга экономической свободы, ежегодно рассчитываемого Институтом Фрэнзера (Канада). На рис. 3 четко видна прямая связь роста экономической свободы (развивающиеся страны распределены по квартилям в соответствии со значениями индекса экономической свободы) с приростами ВВП на душу населения в этих странах за 1990–2007 гг.

Однако эти институты являются далеко не органичными для абсолютного большинства тех стран, которые более всего нуждаются в них для ускоренного и устойчивого развития. Поэтому весь вопрос в том, насколько транспортабельны эти благоприятствующие росту институты, как они приживаются в тех странах, куда импортируются извне. Речь идет о так называемой прилипчивости (*stickiness*)²⁵ FEX-институтов и о том, как она соотносится с таким же качеством IEX и IEN.

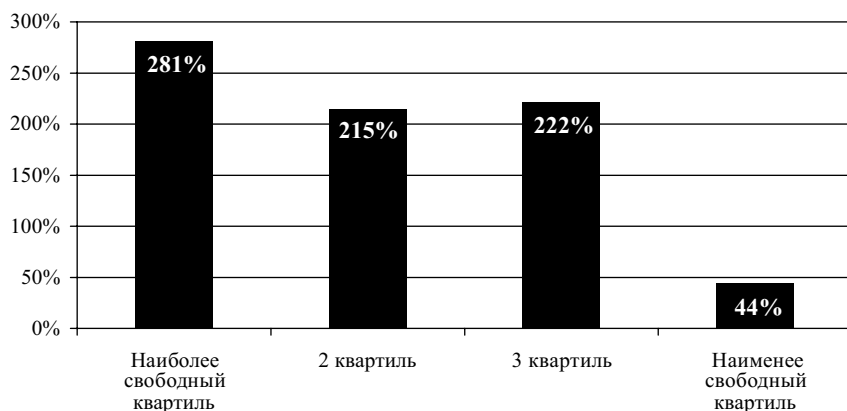

Рис. 3. Прирост среднедушевого ВВП развивающихся стран (1990–2007, %).

Источник: Economic Freedom of the World: 2010 Annual Report.

Для поиска ответа на поставленные вопросы следует начать с более пристального рассмотрения IEN-институтов. В своем анализе этих институ-

²⁵ В дальнейшем английский термин *stickiness* применительно к институтам мы будем переводить как устойчивость. На наш взгляд, это слово наиболее близко передает его смысловое значение. Ведь речь идет о прочности соединения того или иного института с тем или иным социумом, степени его укорененности в обществе.

тов Бёттке и соавторы отталкиваются от Хайека, его концепции спонтанно возникающих институтов.²⁶ Их эндогенное происхождение указывает на их желательность, с точки зрения коренных обитателей; они — неформальны в том смысле, что они не навязаны и гибко отражают изменения предпочтений тех, кому они служат. Их живучесть говорит о том, что они более предпочтительны по сравнению с прочими возможными институтами из IEN-институтов.

Эндогенность в сочетании с их неформальным происхождением (самозарождением) и развитием в процессе взаимодействия людей свидетельствует о том, что IEN-институты уходят своим основанием в то, что Бёттке с соавторами именуют древнегреческим словом *metis* (*mētis*)²⁷. «*Metis* включает умения, культуру, нормы и соглашения, сформированные из опыта индивидов» (Coyne, Voettke, 2006: 54). Его компоненты не могут быть прописаны как некий комплект систематизированных инструкций; он обретается только через опыт и практику.²⁸

²⁶ Как известно, Хайек писал, что «многие институты, составляющие фундамент человеческих свершений, возникли и функционируют без какого бы то ни было замыслившего их и управляющего ими разума...» (Хайек, 2000: 27). При этом «спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» (Там же: 27–28). «...Полезнейшие из человеческих институтов, от языка до морали и закона, вовсе не изобретены человеком сознательно... Основные инструменты цивилизации — язык, мораль и деньги — суть результат не проекта, а стихийного развития...» (Хайек, 2006: 484).

²⁷ Этот термин возродил из небытия американский политолог и социолог Джеймс Скотт. Слово *metis* восходит к классической Греции и означает знание, которое можно получить только из практического опыта; оно противопоставляется Скоттом более формальному дедуктивному, эпистемическому знанию (Скотт, 2005: 24). «В широком смысле оно (слово *metis*. — А.З.) означает огромное множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением» (Там же: 498).

²⁸ Очевидно, что *metis* включает в себя социальный капитал. «Социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей и норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» (Фукуяма, 2004а: 30). Бёттке, Койн, Лисон, а также Фредерик Саутет в статье «Новая сравнительная политическая экономия» также активно используют это понятие (Voettke et al., 2005: 294). К сожалению, Бёттке с соавторами не проводят сравнений двух понятий, поэтому не совсем ясно, что сделало необходимым введение нового термина. Если следовать определениям, то можно выдвинуть предположение о том, что *metis* более широкое понятие, прежде всего за счет такой его составляющей, как практические знания и умения. Скорее всего, они равносильны традиционному для австрийской школы представлению об информации и знании, значимых для

Бёттке с соавторами приводят в качестве примера торговлю бриллиантами в Нью-Йорке, в которой доминируют ортодоксальные евреи. Они используют весьма специфический набор сигналов, намеков и механизмов обязательств, которые снижают транзакционные издержки торговли. Торговля бриллиантами проходила бы далеко не столь гладко, если бы на их месте оказались случайные торговцы (Boettke et al., 2008: 338).²⁹

IEN-институты вырастают непосредственно из *метиса*, можно сказать, что они — институционализированный *метис*. Другой пример, который приводят в этой связи Бёттке с соавторами, это — пуритане в Новой Англии в XVII в. «Мутировавшая смесь британской культуры и пуританской идеологии среди поселенцев сочетала освобождение экономики от ограничений и давала моральную санкцию частной собственности и рабочей этике» (Ibid.: 339).

Метис — это то, что придает институтам устойчивость. Опирируя медицинскими терминами, можно говорить об их приживаемости в организме. В этом смысле IEN-институты генетически однородны с *метисом* и их отторжение невозможно без изменений самого *метиса*. Другое дело — IEX- и FEX-институты. Начнем с первых. С одной стороны, они вводятся изнутри, т. е. официальные власти, иницирующие и проводящие их внедрение, не представляют DC. С другой стороны, они уязвимы в плане устойчивости, так как появляются не как непреднамеренный продукт свободного взаимодействия людей, а как экзогенный, сознательно спланированный и внедряемый государством проект. Эта уязвимость проистекает в конечном счете из-за того, что официальные власти не обладают и не могут обладать рассеянной в массах информацией, их практическим, неявным знанием. Этот неустранимый информационный зазор может оказаться причиной отторжения IEX-институтов. Сила их сцепления с *метисом* явно меньше, чем у IEN-институтов.³⁰

И наконец, FEX-институты. Конструирующие их зарубежные институциональные дизайнеры еще дальше, чем национальные власти, отстают от

предпринимателя. Уэрта де Сото выделил шесть свойств такого знания: субъективное; носит практический (ненаучный) характер; частное (эксклюзивное); рассеяно в умах всех людей; неявное (неартикулируемое); созданное «из ничего»; могущее быть передано в основном бессознательно (Уэрта де Сото, 2011: 67).

²⁹ «Как хорошо понимал Адам Смит, экономическая жизнь глубоко укоренена в социальной жизни и ее невозможно понять отдельно от обычаев, нравов и устоев конкретного исследуемого общества — одним словом, отдельно от его культуры» (Фукуяма, 2004б: 31).

³⁰ IEX-институты могут быть прежними IEN-институтами (деньги, некоторые разделы права). Тогда они прочнее соединены с *метисом*, чем те IEX-институты, которые никогда не находились в статусе IEN-институтов.

местных практик и традиций. Поэтому вероятность отторжения рекомендуемых ими институциональных инноваций (FEX-институтов), значительно выше, чем IEX-институтов (а устойчивость, естественно, ниже). Хотя это, конечно, не означает, что инновации всегда отторгаются.³¹ Однако угроза отторжения — самая большая проблема для FEX-институтов. Препятствием для развития может быть то, что необходимые для него «правильные» институты часто попадают под эту категорию и не могут быть успешно трансплантированы в страну, которая более всего объективно в них нуждается. В целях внедрения они должны быть связаны с теми IEX-институтами, которые, в свою очередь, опираются на IEN-институты.

Тот факт, что устойчивость институтов падает по мере их удаления от *метиса*, схематически представлен на рис. 4.

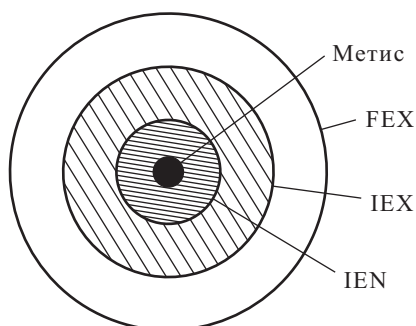

Рис. 4. Устойчивость институтов.

На основе предложенной теории устойчивости институтов Бёттке с соавторами делает два ключевых для новой экономики развития вывода.

Во-первых, успешные институциональные изменения в развивающемся мире должны иметь опору в виде IEN-институтов.

Во-вторых, если предлагаемое изменение не может быть увязано с IEN-институтами, то попытка его введения должна быть оставлена (Boettke et al., 2008: 344).

³¹ Примером успешного «оживления» FEX-институтов является послевоенная Япония, в частности история с ее конституцией. Написанная в США, она, после перевода японскими специалистами на японский язык, стала восприниматься как внутренний продукт. «...FEX-институты, созданные в соответствии с конституцией, сохраняли ключевые элементы традиционного японского *метиса* и в этом смысле воплощали существовавшие прежде IEX- и IEN-институциональные устройства» (Boettke et al., 2008: 347).

Тот факт, что успешные институциональные изменения должны быть в конечном счете увязаны с IEN-институтами, Бёттке с соавторами назвали теоремой о регрессии (Ibid.: 344–345). Она утверждает, что устойчивость (S) любого из институтов (I) в момент времени t есть функция устойчивости этого института в момент времени $t - 1$. Устойчивость института в момент времени $t - 1$ есть, в свою очередь, функция от его устойчивости в момент времени $t - 2$, и т. д. Другими словами, $S_t^I = S_t^I(S_{t-1}^I)$, где $S_{t-1}^I = S_{t-1}^I(S_{t-2}^I)$ и в общем случае, $S_{t-n}^I = S_{t-n}^I(S_{t-(n+1)}^I)$.

Эта последовательность, однако, не представляет собой бесконечной регрессии, так как устойчивость какого-либо института в момент его возникновения произвольно большое число периодов назад (N) определяется его статусом как института в $t - N$. Таким образом, в $t - N$ устойчивость института I зависит от того, является ли он IEN-, IEX- или FEX-институтом. Так что $S_{t-N}^I = S_{t-N}^I(I^{IEN}, I^{IEX}, I^{FEX})$, где $S^{IEN} > S^{IEX} > S^{FEX}$, как это следует из ранее проведенного анализа. Таким образом, «теорема о регрессии находит причину устойчивости институтов сегодня в их прошлой устойчивости, которая в конечном счете является функцией их близости к метису» (Ibid.: 345).

Однако, пожалуй, один из самых важных моментов, который присутствует в анализе институтов по Бёттке с соавторами, это утверждение о том, что институциональная устойчивость не эквивалентна институциональной доброкачественности. В этом видится скорее не расхождение с теорией спонтанного происхождения эффективных институтов Хайека, но существенное ее дополнение. Ведь его утверждение о том, что все наиболее эффективные институты возникают спонтанно, еще не означает, что спонтанно не могут возникать и «плохие» институты. «...Не всякий эндогенно созданный институт при всех обстоятельствах является эффективным или благоприятствующим экономическому развитию» (Voettke et al., 2008: 345). Более того, многие IEN-институты могут препятствовать экономическому росту. «Следовательно, устойчивость есть необходимое, но недостаточное свойство института для создания экономического роста» (Ibid.).³²

Роль экономиста в развитии: от «метиса» к идеям

Итак, раз IEN-институты могут быть и плохие, тормозящие развитие, то отсюда неизбежно вытекает аналогичное предположение в отношении *метиса*. Впрочем, это отнюдь не сенсационное открытие. Выше отмечалось,

³² В качестве примера дается ссылка на послевоенный опыт Восточной Европы. Во многих ее частях, где FEX-институты были внедрены силой, они оказались довольно устойчивыми, но тормозили прогресс (Voettke et al., 2008: 345).

что *метис* включает в себя социальный капитал. Однако само понятие социального капитала, согласно Фукуяме, совсем не содержит в себе неперенных положительных качеств: коллективные ценности и нормы, делающие возможными сотрудничество, не всегда направляют эту кооперацию людей во благо общества. «Несмотря на то что о социальном капитале и о гражданском обществе часто говорят как о полезной вещи, которой хорошо обладать, они не всегда приносят пользу. Координация необходима для любой социальной деятельности: как для полезной, так и для вредной» (Фукуяма, 2004а: 33). Да и Бёттке вместе с Койном, Лисоном и Саутетом писали о «темной стороне» социального капитала.³³

И тут мы подходим к другой важной стороне теории современных «австрийцев»: они допускают изменения *метиса* и не рассматривают его как нечто застывшее (Coyne, Voettke, 2006: 55). При этом, подчеркивая необходимость соответствия между ним и институтами в качестве условия успешного развития, приводят схему (рис. 5), очень напоминающую мизесовскую триаду (см. рис. 1).

Рис. 5. *Metis* — институты — результаты.

И действительно, если мы сравним эти два рисунка, то заметим, что на месте «идей, ценностей, умонастроений» (рис. 1) расположился *метис*. Это замещение — вовсе не случайно. «Понятие *метис* шире понятия общественное мнение. Тем не менее общественное мнение и идеология могут рассматриваться как важнейшие составляющие *метиса*. В самом деле... изменения в общественном мнении и, следовательно, *метисе* критически важны для общественных перемен» (Ibid.: 57). Причем и экзогенные акторы могут оказывать на него влияние (Ibid.: 56).

В итоге любой экономист-реформатор, стремящийся привить отсталому обществу благоприятные для развития институты, в случае расхождения их с *метисом* располагает двумя вариантами действий: а) либо подстраивать институты под *метис*, что, кстати, далеко не всегда возможно без утраты их прогрессивного содержания; б) либо, напротив, стараться трансформировать *метис* так, чтобы он не отторгал эти институты. Таким образом, если

³³ «“Темная сторона” социального капитала может включать такие вещи, как исключение аутсайдеров или давление ради соответствия нормам и ценностям, являющегося условием принадлежности к группе» (Voettke et al., 2005: 294)

метис, говоря словами Мизеса, поражен «антикапиталистической ментальностью», то следует направить усилия на ее преодоление. В противном случае капиталистические институты либо не приживаются вовсе, либо (что происходит гораздо чаще) подрываются проникающими в них неформальными и разрушительными с точки зрения задач развития институтами.³⁴

Россия является, на наш взгляд, едва ли не лучшим примером среди бывших социалистических стран, который подтверждает теорию современной австрийской школы о невозможности внедрения институтов, находящихся в конфликте с *метисом*, без его сглаживания за счет модификации *метиса*. Из опросов Левада-Центра видно, что даже в XXI веке, два десятилетия спустя после краха социализма, более половины россиян считают более правильной системой ту, которая основана на государственном планировании и распределении, а не ту, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какая экономическая система кажется вам наиболее правильной: та, которая основана на государственном планировании и распределении, или та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения?» (в % по репрезентативной выборке из 1600 россиян от 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны)

Вариант ответа	03.2003	03.2004	11.2005	12.2006	11.2007	02.2008	02.2009	02.2010	01.2011
Основанная на государственном планировании и распределении	56	53	51	55	54	51	58	57	51
В основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения	34	34	36	31	29	31	28	30	31
Загрудняются с ответом	11	13	13	14	16	18	14	14	18

Источник: Левада-Центр. Пресс-выпуск 08.02.2011.

В декабре 2010 г. в ходе опроса, проводимого тем же Левада-Центром, 63 % опрошенных считали, что президенту и правительству следует жестче контролировать экономику и политическую жизнь в стране, и лишь 28 % полагали, что им нужно предоставить людям свободу заниматься своими делами и следить только за тем, чтобы они не нарушали закон (Левада-Центр. Пресс-выпуск 18.01.2011).

³⁴ Теория и практика «подрывных» институтов исследована Владимиром Гельманом (Гельман, 2010).

В одном из недавних исследований Центра экономических и финансовых исследований и разработок (Москва) было опубликовано сравнительное исследование отношения к приватизации в 28 бывших социалистических странах (Denisova et al., 2010). Ниже приводятся данные выборочно по отдельным странам (табл. 2). Проценты в первом столбце можно расценивать как абсолютное одобрение проведенной приватизации. Если мы сложим данные по первому и второму показателю, то получим цифры (проценты), которые можно назвать показателями благосклонного (одобрительного) отношения к приватизации. У Эстонии эта сумма составляет 67 %, Чехии – 75,2, Польши — 57,2, России — 50, Украины — 44,5 и Узбекистана — 37,9 %. Если же сложить по странам данные столбцов один, два и четыре, то полученные показатели можно считать индикаторами благосклонного отношения к частной собственности в принципе. У Эстонии эта сумма равна 89,4 %, Чехии – 87, Польши — 77,6, России — 63,3, Украины – 57 и Узбекистана – 48,5 %. В третьем столбце фигурируют проценты, которые, очевидно, можно расценивать как показатели неприятия приватизации в принципе.

Интересно заметить, что оценки реального состояния прав собственности (более высокое значение показателя означает лучшее состояние прав собственности), с некоторыми отклонениями, но отвечают высказанному населением отношению к приватизации (рис. 6). В этой связи вполне уместно напомнить, что, согласно Мизесу, «курс экономической политики страны всегда определяется экономическими идеями, разделяемыми общественным мнением. Никакое государство, ни демократическое, ни диктаторское, не может быть свободно от власти всеми признаваемой идеологии» (Мизес, 2005: 798).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, надо сделать с большинством приватизированных предприятий?» (в %)

Страна	Оставить у нынешних собственников без каких-либо условий	Оставить у нынешних собственников при условии, что они заплатили достаточно	Ренационализировать и оставить в руках государства	Ренационализировать, а затем приватизировать снова, используя более прозрачные процедуры
Эстония	44,4	22,6	13,0	11,8
Чехия	24,6	50,6	22,4	10,7
Польша	20,0	37,2	22,4	20,4
Россия	18,5	31,5	36,7	13,3
Украина	12,6	31,9	43,0	12,5
Узбекистан	15,3	22,6	51,6	10,6

Источник: Denisova et al., 2010: 46.

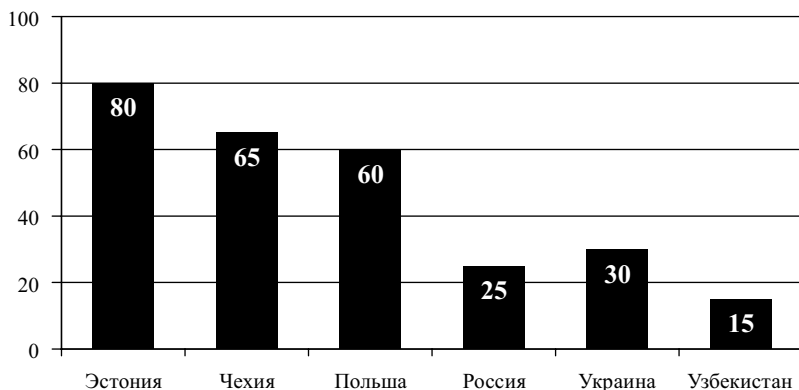

Рис. 6. Индикаторы состояния прав собственности.

Источник: 2011 Index of Economic Freedom.

Низкие международные рейтинги состояния прав собственности в России³⁵ вполне адекватно отражают «антикапиталистическую ментальность» преобладающей части ее населения. Из всех многочисленных данных опросов Левада-Центра, представляющих эту особенность российского *ментиса*, лучше всего, на наш взгляд, отражает распределение ответов респондентов на следующий вопрос: «Как бы Вы отнеслись к идее “бархатной реприватизации” — принудительного выкупа у собственников эффективно действующих компаний по ценам, назначенным государством, с передачей их государственным корпорациям, во главе которых будут стоять крупные госчиновники?» Целиком положительно или скорее положительно к этому отнеслись бы 46 % опрошенных, скорее отрицательно или резко отрицательно — вдвое меньше, 23 % (31 % затруднились ответить на поставленный вопрос) (Левада-Центр. Пресс-выпуск 10.01.2008).³⁶

³⁵ Всемирный экономический форум регулярно рассчитывает Индекс глобальной конкурентоспособности стран мира. Этот Индекс складывается из множества показателей, среди которых присутствуют и права собственности. В 2010 году по этому показателю Россия заняла 128-е место из 139 стран (The Global Competiveness Report 2010–2011).

³⁶ Сколь бы высокой не была заинтересованность бюрократии в реализации такого сценария, который, кстати, и фактически неоднократно имел место (в качестве примера можно вспомнить хотя бы историю добровольно-принудительного приобретения в 2006 г. 67 % акций компании «ВСМПО-Ависма» «Рособоронэкспортом», который вскоре трансформировался в госкорпорацию «Ростехнологии»), трудно предположить, что бюрократия обеспечила и поддержку «бархатной реприватизации» общественным мнением. Обозначившаяся при ответе на приведенный выше вопрос

Возвращаясь к обсуждению роли экономиста, стоит обратить внимание на ее непосредственную взаимосвязь с функциями, которые принимает на себя государство. Койн и Бёттке представили ее в виде матрицы, которую назвали «дилемма развития» (рис. 7) (Coyne, Boettke, 2006: 60). Государство может принимать на себя как роль рефери, так и роль игрока. В первой оно ограничивается принуждением к соблюдению возникающих изнутри правил. Во второй оно еще и активно создает правила. В этом своем качестве оно экзогенно навязывает сверху институциональный порядок, вместо того чтобы ограничиться исключительно распознаванием и обеспечением реализации органичных обществу институциональных качеств, которые образуются спонтанно снизу.

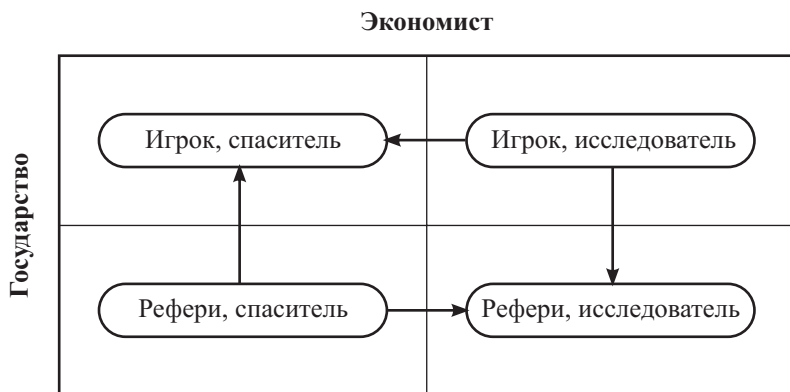

Рис. 7. Дилемма развития.

Экономист в роли исследователя экономики способен выявлять экономические законы и использовать их для объяснения фактов. Прогнозы, как мы уже могли убедиться, могут быть только качественные: если имеет

ментальная модель является одной из форм проявления устойчивого российского стереотипа предпочтения государственного частному. И если формализованный институт (государственная или, как в случае с «Ростехнологией», квазигосударственная собственность) непосредственно возникает в силу чьих-то особых интересов, то общественное мнение одобряет его вполне бескорыстно. Абсолютное большинство носителей этого мнения никакого выигрыша от него не получают и даже не рассчитывают получить. Однако без молчаливого одобрения обществом создание данного института было бы, по всей видимости, маловероятно. Здесь реализующие государственную экспансию институты (относящиеся к IEX, согласно рассмотренной ранее классификации) базируются на погруженных в *metis* IEN-институтах.

место X , то тогда последует Y , затем — Z и т. д.³⁷ В контексте экономики развития «исследователь» преимущественно озабочен пониманием того, как сложившиеся изнутри институты развиваются в целях удовлетворения определенных общественных потребностей и как они функционируют в рамках уникального культурного контекста рассматриваемой страны в целях координации экономической деятельности. Однако ДС не ограничивает роль экономиста выявлением причинно-следственных связей и пониманием специфики эндогенных институтов. В соответствии с желанием нанимателя быть двигателем перемен, экономист принимает на себя роль «спасителя»: его рекомендации в области политики главным образом касаются того, какие новые институциональные устройства должны быть внедрены взамен «неэффективных» сформировавшихся изнутри институтов. В конечном счете от «спасителя» требуются рекомендации как государство «должно вмешиваться».

Если мы обратимся к представленной выше в матричной форме дилемме развития, то заметим, что в ней в двух квадрантах наблюдается неравновесие. Когда государство берет на себя роль «игрока», то его не удовлетворяет роль экономиста только как «исследователя». Государство требует от него «практических рекомендаций» по способам вмешательства. Поэтому присутствует тенденция либо к изменению роли государства (с «игрока» на «рефери»), либо к изменению роли экономиста (с «исследователя» на «спасителя»), что показано на рис. 7 стрелками. Аналогично неустойчива ситуация «рефери—спаситель». У государства-рефери просто отсутствует потребность в привлечении экономиста на роль «спасителя». Здесь стрелками показана возникающая тенденция либо трансформации государства в «игрока», либо экономиста — в «исследователя». Равновесные состояния соответственно наблюдаются в левом верхнем и правом нижнем квадрантах.

Равновесие в правом верхнем квадранте можно рассматривать как «плохое» равновесие. Бётке вместе со Стивеном Хорвитцем довольно обстоятельно рассмотрели, как на протяжении различных этапов истории экономической мысли роль экономиста как исследователя менялась на роль спасителя и наоборот (Boettke, Horwitz, 2005: 10–39). В качестве причины расцвета и

³⁷ Примерно так Мизес показывал непредусмотренные негативные последствия государственного вмешательства в рыночный ценовой механизм (Мизес, 1993: 112–114; 2005: 710–731). «Если правительство, столкнувшись с крахом первого вмешательства, не готово вернуться к свободной экономике и позволить рынку выправить ситуацию, оно должно будет наращивать цепь ограничений и регулирования. По этому пути шаг за шагом оно дойдет до того, что все экономические свободы индивидуума исчезнут» (Мизес, 1993: 112). Впоследствии эта логическая цепочка Мизеса была названа теорией «чернильного пятна».

доминирования «инженерной» функции экономиста они указывают на три обстоятельства: во-первых, формализм и позитивизм в экономической теории; во-вторых, большевистская революция и продвижение социализма; в-третьих, кейнсианская революция в макроэкономике и появление связанных с ней международных институтов публичной политики (Ibid.: 25).

Особо повысилась значимость этой функции после Второй мировой войны. Бёттке и Хорвитц даже утверждают, что содержание советов, которые давались странам третьего мира из развитых капиталистических и развитых социалистических стран, в сущности, не отличалось и во всех вариантах экономист предстал в облике инженера.³⁸ В их работе показаны социалистические корни кейнсианства, его прямая интеллектуальная связь с советскими дискуссиями о планировании 1920-х гг.³⁹ Как бы то ни было, в результате экономика развития стала отождествляться с макроэкономическим ростом и выводами для государственной политики, которые состояли в том, что государство может порождать, контролировать и конструировать экономический рост путем различных ключевых интервенций.

Бёттке и Хорвитц указали также на три причины начавшегося в конце XX в. возвращения экономической теории «к скромности». Во-первых, крах кейнсианского консенсуса в отношении макроэкономической политики; во-вторых, коллапс коммунизма в Восточной и Центральной Европе; в-третьих, разочарование в программах иностранной помощи наименее развитым странам (Boettke, Horwitz, 2005: 23–34). Произошел сдвиг, говоря словами американского экономиста Вернона Смита, от «конструктивистской рациональности» к «экологической рациональности» (Ibid.: 37). «В области экономики развития — это шаг от государства, непосредственно дирижирующего экономической деятельностью, к государству, создающему благоприятные условия для развития снизу вверх» (Ibid.). И естественно, «роль формирующего политику экономиста сместилась от конструирующего экономическое развитие к культивирующему экономическое развитие» (Ibid.).

Разумеется, возвращение экономиста из роли «спасителя», инженера в роль исследователя, ученого — лишь тенденция. Ей противостоят два об-

³⁸ «...Советы по проведению политики, даваемые слаборазвитому миру как капиталистическими, так и социалистическими странами, были почти идентичны и отражали интеллектуальную трансформацию политической экономии экономики развития... придавая экономистам звездную роль спасителей третьего мира в качестве “практикующих инженеров”» (Boettke, Horwitz, 2005: 28).

³⁹ Евсей Домар (1914–1997), один из создателей упоминавшейся ранее кейнсианской модели экономического роста, отмечал, что дебаты в 1920-х гг. в журнале «Плановая экономика» послужили ему ценным источником идей при разработке этой модели (Boettke, Horwitz, 2005: 29).

стоятельства. Во-первых, неверное представление о том, что реально может сделать экономическая наука.⁴⁰ Во-вторых, порочные стимулы ДС и национальных правительств в развивающихся странах. «Хотя декларируемые цели ДС — искоренение бедности и социальных зол, имеется сильный стимул у вовлеченных в это провалиться в их достижении. Само собой, если конечная цель была бы на деле достигнута, участники международного ДС уничтожили бы исходную причину своей занятости» (Coyne, Voettke, 2006: 62).

В России популярность инженерного подхода чрезвычайно велика. Достаточно вспомнить многочисленные программы преобразований, которые создавали «команды реформаторов» на протяжении последних двадцати с лишним лет. То, что эта болезнь не проходит со временем, свидетельствуют самые последние события 2011 г. В это время в Москве работают две группы экономистов. Одна из них, представляющая организацию «ИНСОП» (Институт современного развития), подготовила программу «Стратегия-2012» (предположительно для Президента РФ Д. Медведева). Вторая продолжает работу над программой (обновленный вариант «Стратегии-2020»), которая, предположительно, затребована Председателем Правительства РФ В. Путиным. Бесполезность (с точки зрения целей развития) этих начинаний достаточно убедительно показана в статье в журнале «New Times» (см.: Докучаев, 2011).

В этой связи есть смысл привести точку зрения двух экономистов — Джеймса Бьюкенена и Джеффри Бреннана. Свою книгу «Причина правил: конституционная политическая экономия» они завершают следующими словами: «Мы обращаемся к собратьям-ученым с призывом прекратить консультирование тех или иных правительств или политиков, находящихся у власти. Качество игры в большей степени зависит от качества ее правил, чем от мастерства игроков» (Бреннан, Бьюкенен, 2005: 262). Однако устойчивые правила (институты), как убеждает нас рассмотренная выше позиция представителей австрийской школы, не создаются «сверху вниз», как инженерный замысел политиков или экономистов.

Что же выпадает на роль экономиста, лишившегося «инженерной должности»? Если кратко, то современная австрийская экономическая школа в лице Койна и Бёттке отвечает на этот вопрос так: во-первых, изучать *metis*; во-вторых, при необходимости пытаться его изменить, выступая в роли проповедителя, влияя на общественное мнение (Coyne, Voettke, 2006: 62).

Первая задача требует налаживания междисциплинарной кооперации экономистов с этнографами, антропологами, историками. При изучении

⁴⁰ В этом случае мы снова наталкиваемся на активизм, органически следующий из неоклассической теории «провалов рынка».

метиса особое внимание должно быть уделено инкорпорированию этнографических методов исследования в экономический анализ развития: персональные интервью с участниками и официальными лицами, обзоры, наблюдения участников. В качестве примера приводятся работы перуанского экономиста, всемирно известного исследователя теневой экономики Эрнандо де Сото (Сото, 2001; 2008).

Теперь о второй задаче. В сущности, в рыночной экономике роль экономиста сводится к роли просветителя. На это обстоятельство обращал внимание такой видный представитель австрийской школы, как Ротбард: «... в свободном обществе экономист исполняет чисто образовательную роль» (Ротбард, 2003: 389). Согласно Ротбарду, его функция — указывать на негативные последствия государственного вмешательства (Там же).

Мизес, следуя своей теории об определяющей роли идей в человеческой истории, считал «бюрократизацию сознания», которую проводили в жизнь немецкие университеты, ответственной за беды Германии в XX в. «Европейский тоталитаризм является результатом господства бюрократии в области образования. Университеты подготовили почву для диктаторов» (Мизес, 1993: 72).⁴¹ Именно они сформировали ту самую «антикапиталистическую ментальность», о которой писал Мизес и которая стала базой этатизма и государственного интервенционизма.⁴²

Койн и Бёттке отмечают: «...экономист играет важную роль в формировании общественного мнения и идеологии, что имеет решающее значение в достижении долгоживущих институциональных и социальных изменений» (Coyne, Boettke, 2006: 63). Заключить раздел о роли экономиста в развитии общества можно еще одной цитатой из Мизеса: «Верховенство общественного мнения определяет не только исключительное место, занимаемое экономической наукой в мышлении и знании. Оно определяет весь ход человеческой истории» (Мизес, 2005: 810).

⁴¹ Мизес неоднократно приводит слова одного из германских ученых — Эмиля Дюбуа-Реймона, сказанные им в 1870 г. и гласившие, что Берлинский университет служит «интеллектуальным телохранителем дома Гогенцоллернов». Мизес дает следующий комментарий: «Там, где университеты становятся телохранителями, а ученые жаждут занять свое место на «научном фронте», уже широко распахнуты двери для варварства» (Мизес, 2006: 19).

⁴² «Единственное, что требовалось от университетского преподавателя общественных наук, — это поносить рыночную систему и энергично поддерживать государственный контроль» (Мизес, 1993: 69).

Литература

Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2005.

Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века. Челябинск: Социум, 2005.

Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика. Челябинск: Социум: Cato Institute, 2004.

Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа, 2005.

Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики / Под ред. В. Гельмана и О. Маргания. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 64–88.

Докучаев Д. Бой стратегического значения // New Times. 2011. № 11. С. 29–31.

Истерли У. В поисках роста: приключения экономиста в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

Заостровцев А.П. Новая институциональная экономика о развитии и стагнации // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики / Под ред. В. Гельмана и О. Маргания. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 13–62.

Котликофф Л., Бёрнс С. Пенсионная система перед бурей. М.: Альпина Бизнес Бук, 2005.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007.

Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство, 2009.

Левада-Центр. Пресс-выпуск 10.01.2008. Реприватизация: за или против? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2008011001.html>

Левада-Центр. Пресс-выпуск 18.01.2011. Патерналистские настроения россиян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011011803.html>

Левада-Центр. Пресс-выпуск 08.02.2011. Россияне за госпланирование в экономике и советскую политическую систему. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011020803.html>

Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.

Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006.

Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007.

Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003.

Ротбард М. Предисловие // Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007. С. xi–xviii.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Скоузен М. Кто предсказал крах 1929 года? // Бум, крах и будущее: Анализ австрийской школы. М., Челябинск: Социум, 2002. С. 172–215.

Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001.

Сото Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум, 2008.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национально-общественный научный фонд, 2003.

Тодаро М.П. Экономическое развитие: Учебник. М.: Экономический факультет МГУ: ЮНИТИ, 1997.

Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: Челябинск: ИРИСЭН: Социум, 2008.

Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательская деятельность. Челябинск: Социум, 2009.

Уэрта де Сото Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004а.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004б.

Хайек Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости: Catallaxy, 1992.

Хайек Ф.А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.

Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.

Acemoglu D. Theory, General Equilibrium and Political Economy in Development Economics // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24, no. 3. P. 17–32.

Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T., Sautet F. The New Comparative Political Economy // The Review of Austrian Economics. 2005. Vol. 18, no. 3–4. P. 281–304.

Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. Institutional Stickiness and the New Development Economics // American Journal of Economics and Sociology. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 331–358.

Boettke P., Horwitz S. The Limits of Economic Expertise: Prophets, Engineers and the State in the History of Development Economics // The Role of Government in the History of Economic Thought / Ed. by S. Medema and P. Boettke. Durham; London: Duke University Press, 2005. P. 10–39.

Coyne C.J., Boettke P.J. The Role of Economist in Economic Development // The Quarterly Journal of Austrian Economics. 2006. Vol. 9, no. 2. P. 47–68.

Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. Everyone Hates Privatization, but Why? Survey Evidence from 28 Post-Communist Countries // CEFIR/NES Working Paper Series. 2010 May. (Working Paper; N 143).

Economic Freedom of the World: 2010 Annual Report on Sept. 20, 2010. PowerPoint presentation. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.freetheworld.com/powerpoint.html>

The Elgar Companion to Austrian Economics / Ed. by P.J. Boettke. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 1994.

The Global Competiveness Report 2010–2011. World Economic Forum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.weforum.org/pdf/GCR10/GR10.pdf>

The Global Economy Continues to Grow Strongly. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/update/01/>

World Economic Outlook, April 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/01/pdf/tblPartB.pdf>

World Economic Outlook Database, October 2009 Edition. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx>

World Economic Outlook Update, January 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/update/01/pdf/0111.pdf>

2011 Index of Economic Freedom. Heritage Foundation and The Wall Street Journal. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.heritage.org/Index/pdf/2011/Index2011_Full.pdf

Андрей Заостровцев

История и развитие: трактовка австрийской экономической школы

Препринт М-23/11

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 18.04.11
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**